

Три метода распознавания лжи Кошкина Е.Н.

Кошкина Екатерина Николаевна / Koshkina Ekaterina Nikolaevna – магистр в области криминологии и криминальной психологии,
Университет Портсмута, Великобритания, г. Москва

Аннотация: статья критически рассматривает три метода распознавания лжи с целью определения сильных и слабых сторон каждого из них.

Abstract: this article critically examines three methods to detect deceit to identify their main strengths and weaknesses.

Ключевые слова: полиграф, распознавание лжи.

Keywords: polygraph, lie detection.

Несмотря на то, что, «когда мы росли, наши родители, религиозные лидеры и учителя учили нас, что ложь – это аморально и неэтично» [8, стр. 12], мы продолжаем лгать. Возможно, потому что «разговоры стали бы неловкими и неоправданно грубыми, если бы люди говорили друг другу правду все время» [18, стр. 17]. Получается, что «обманывать окружающих – жизненно важная часть ежедневных социальных взаимодействий» [18, стр. 1], основа человеческого сообщества в каком-то смысле, и люди действительно хорошо лгут, но не настолько же хорошо распознают ложь. На что есть множество причин. Например, так называемый «эффект страуса», когда «люди не желают распознать ложь, потому что они не знали бы, что делать, если бы знали правду» [18, стр. 2] или, как метко заметил канадский социолог Ирвин Гоффман, «жизнь – это театр», где то «я», которое демонстрируется окружающим, является субъективно отредактированной версией истинного «я», отражением того, как человек хотел бы быть увиденным окружающими. Картина, которую будут принимать как должное, потому что она позволяет людям избегать огромного количества неожиданных проблем в общении с данным человеком.

Это может не иметь особой важности в ежедневном личном общении, но в случае с расследованиями преступлений чрезвычайно важно знать правду. Иногда чья-то жизнь целиком зависит от «слов компетентного свидетеля и того, сочтут ли судья или присяжные данного свидетеля заслуживающим доверия» [8, стр. 4]. Знаменитое дело Дрейфуса, в котором французский еврей, служивший в армии, был ложно осужден предубежденным судом на основании сфабрикованных улик, ясно показывает, что существует потребность в научных методах распознавания лжи. Таковые были созданы в начале двадцатого века и в наши дни существует три возможных способа распознать ложь – физиологический, посредством использования полиграфа, который во время беседы записывает любые изменения в дыхании, электрическом ответе кожи и сердечно-сосудистой системе такие как частота пульса и давление; невербальный посредством внимательного наблюдения за поведением интервьюируемого, его мимики и так далее, и вербальный посредством анализа того, что и как было сказано.

Итак, первый метод распознавания лжи, который будет нами проанализирован, - это полиграф. «Во все времена выдвигались предположения, что ложь сопровождается физиологической активностью в теле лжеца» [18, стр. 169], более того, «в течение нашей жизни, когда мы лжем, попадаемся и нас наказывают, ложь сама по себе начинает ассоциироваться с наказанием» [8, стр. 23]. Это означает, что, когда испытываемый, который, возможно, говорит неправду, боится быть уличенным испытующим, физиологические реакции тела, типичные для лжеца, начинают давать о себе знать и могут быть зарегистрированы и записаны полиграфом.

Немецкий психолог Хью Мюстенберг был первым, кто предложил «концепцию применения научных инструментов для измерения изменений, сигнализирующих о лжи» [18, стр. 6]. Следом за ним, Уильям Марстон, его студент, создал «непрерывающийся метод измерения различий в кровяном давлении», но только старший детектив американской полиции Джон Ларсон стал «первым человеком в правоохранительных органах, который провел тест на полиграфе на подозреваемом, чтобы убедиться в том, что тот говорит правду» [18, стр. 7]. «Детектор лжи из двух ручек», который был сконструирован Ларсоном, - предшественник современного полиграфа, «точного научного измерителя, который может показать посредством чернильных ручек на графике или дисплея компьютера, прямую и обоснованную картину различных типов телесной активности» [3, стр.10] такие как кровяное давление, дыхание и частота пульса. Полиграф делает это посредством «усиления сигналов, поступающих от сенсоров, которые прикреплены к различным частям человеческого тела» и «может измерять даже самые незаметные отклонения» [18, стр. 170].

Во всем мире широко используется три процедуры тестирования на полиграфе. Первая процедура – это техника «важно/неважно» (RIT), созданная Ларсоном в 1932 году. Она состоит из двух типов вопросов – «имеющих отношение к преступлению» и «не имеющих отношения к преступлению», из которых последние используются для выделения сигналов о лжи среди ответов на первые вопросы. Вторая процедура – это тест под названием «Контрольный вопрос» (CQT), созданный Рейдом в 1947 году и состоящий из только из «да/нет» вопросов, сформулированных экзаменатором. Третья процедура – это «Осознание вины» (GKT),

созданная американским генетиком Дэвидом Ликкеном в 1959-1960 годах на основе условного рефлекса Павлова. Она состоит из «серии вопросов с множеством вариантов ответов, каждый из которых имеет один важный правильный ответ и несколько нейтральных правильных ответов, подобранных так, чтобы невиновный подозреваемый не был способен отличить их друг от друга» [1, стр. 87].

В основном, стереотипно считается, что полиграф практически не допускает ошибок, но, в реальности, все вышеперечисленные тесты спорны и имеют свои ограничения. Например, главная проблема RIT – это то, что «имеющие отношение к преступлению вопросы не дают адекватного контроля над тем эмоциональным влиянием этих вопросов, которые они могут иметь на испытуемых» [10, стр. 777]. Даже невиновный подозреваемый может представить себе последствия того, если он будет признан виновным в совершении преступления, когда его допрашивают, и это может повлиять на его эмоции. Не существует хорошего научного способа справиться с этим, так что многие полученные ответы, или скорее физиологические отклики, зарегистрированные машиной, не могут быть использованы как индикаторы лжи или правды в сравнении друг с другом. Таким образом, данный тест просто не подходит для распознавания лжи.

Второй тест, CQT, в свою очередь, имеет свои собственные проблемы. «Логическое обоснование CQT – это то, что лжецы будут больше беспокоиться о вопросах, имеющих отношение к преступлению, и будут демонстрировать более сильные физиологические отклики на них» [20, стр. 340] по сравнению с теми, кто говорит правду, которые будут реагировать таким же образом на возможные ложные вопросы. К сожалению, реальная точность данного теста неизвестна из-за слабой теоретической базы в полевых испытаниях, которые были опубликованы к настоящему времени. Более того, имеется также очевидный «недостаток стандартизации в проведении текста и оценке графиков» [20, стр. 340]. Следовательно, результат теста во многом зависит от мастерства испытующего. В конце концов, формулировать адекватные вопросы для испытуемого на основании имеющихся улик, собранных полицией и судебными экспертами, – одна из официальных обязанностей испытующего. Также, испытующий решает, как интерпретировать ответы и что есть признак лжи в результатах теста. Следовательно «результаты могут быть расценены как ничто иное как субъективное предположение, построенное на впечатлениях» [1, стр. 118], потому что они предоставляют широкий простор для выводов и могут быть подвержены влиянию «веры испытующего в то, что испытуемый виновен, которая сформировалась до проведения теста» [20, стр. 341].

Третий тест, GKT, один из наиболее используемых тестов в настоящее время, имеет проблемы с формулированием точных вопросов. «Точный вопрос касается специфической черты события, которую очень вероятно заметил бы виновный», кроме того, чрезвычайно важно, чтобы «виновные не только заметили данную черту, но также вспомнили это во время тестирования на полиграфе, которое может иметь место быть по простейшей человеческой памяти. Вдобавок, очень сложно сделать так, чтобы значимая информация не была подсказана невиновным испытуемым, что определенно может «подвергнуть их опасности, потому что знание о критических вещах может быть важным для реагирования на них иначе» [1, стр. 93]. Все это делает данный тест, равно как и предыдущий, чрезвычайно уязвимым и чувствительным к любым возможным помехам.

Более того, это, вероятно, не секрет, что «инструмент сам по себе может создавать более интенсивное эмоциональное состояние, которое может объяснить большее количество «фальшивых позитивных ответов», чем «фальшивых негативных» [1, стр. 9]. Хорошо зная, как сложно на самом деле обмануть полиграф, люди могут страшно нервничать и это может быть расценено как доказательство вины в некотором смысле. Хотя все слабые стороны тестов, упомянутые выше, не превращают полиграф в абсолютно бесполезную вещь. Например, «существует всеобщая уверенность, что плохо социализированные личности и психопаты могут обмануть полиграф, потому что они – мастера лжи и ущербны в плане морали и социальной совести» [15, стр. 34], но это не так. Даже если психопаты «менее озабочены, чем нормальные люди, опасностью в целом и наказанием в частности, исследования показывают, что психопаты и непсихопаты одинаково легко уличаются полиграфом» [20, стр. 329]. Пол подозреваемого, раса и темперамент также не имеют значения, а, следовательно, полиграф может быть использован во всех подходящих случаях с учетом существующих ограничений.

Другой, не настолько широко известный как полиграф, метод распознавания лжи – это оценка невербального поведения, основанная на том, что «существует огромное количество физических реакций, которые инстинктивны или глубоко внедрены культурой и не поддаются сознательному контролю» [8, стр. 61]. Обычно «невербальное поведение попадает в одну из трех категорий – эмблемы, выражающие коммуникацию; иллюстраторы, помогающие слушающему лучше понимать вербальную коммуникацию, и адаптеры, которые никак не помогают понять вербальную коммуникацию и зачастую отвлекают от нее внимание» [8, стр. 61-62]. Также, выяснилось, что «три эмоции связаны с ложью – вина, страх и волнение» [18, стр. 34]. Они не могут быть скрыты, когда подозреваемый лжет, и могут быть чрезвычайно полезными в распознавании лжи интервьюером.

Частично это работает. При условии, например, что у интервьюера будет достаточно времени для того, чтобы установить так называемую «поведенческую норму подозреваемого», потому что было доказано множеством полевых и лабораторных исследований, что «типичное поведение лжеца не существует» [18, стр. 24], так что жизненно необходимо иметь что-то в качестве точки отсчета для успешного распознавания

лжи. Кроме того, есть большая разница между реальной ложью и демонстрацией поведенческих признаков лжи, спровоцированных иными факторами нежели чем обман. Одно из самых устойчивых человеческих убеждений таково, что, если человек нервничает во время разговора, прерывает зрительный контакт и делает паузы в речи, это доказывает, что данный индивидуум лжет, хотя, если чье-то поведение выглядит подозрительно, это вовсе не означает, что человек лжет. Для подобного поведения может быть много других причин. Вроде культурных различий или того факта, что «вера человека в то, что он лжет, а в реальности непредумышленно говорит правду, или переживание негативных эмоций также может проявляться в избегании – таком как меньший зрительный контакт или изменение положения тела» [20, стр. 39].

Но, что более интересно, «лжец не будет чувствовать себя виноватым в том случае, если ложь морально оправдана» [20, стр. 44], и если «ложь несложно сфабриковать, то проявление поведенческих подсказок маловероятно» [18, стр. 31]. К тому же, поимка лжецов на профессиональном уровне сама по себе – обоюдоострый меч. «Та сильная уверенность в своих способностях, свойственная всем профессиональным экспертам по лжи, может нанести ущерб делу, над которым они работают, поскольку они могут менее внимательно изучать поведение испытуемого» и это часто приводит к «быстрым решениям, принятым на основании ограниченного объема информации» [18, стр. 76]. Возможно поэтому английский профессор Рей Булл в одной из своих работ выразил довольно пессимистическую точку зрения на перспективы обучения людей распознаванию лжи.

Хотя «люди знают, что мы все смотрим на их лица, когда они говорят» и что «фальшивые выражения лица легко создать» [8, стр. 66], жестко контролирующие свои лица личности забывают контролировать свои тела, по большей части, из-за того, что они не «осведомлены о своем поведении в каждодневных ситуациях» [18, стр. 41], и это их выдает. Как правило, язык тела, или точнее движения рук и кистей, ног и коленей, жесты и позы, всегда куда более прозрачны, чем мимика. Равно как и так называемые «микровыражения», изучаемые американским психологом Полом Экманом, который уверен, что «наблюдение за ними на лице раскрывает ценную информацию о лжи» [6, стр. 113]. Однако они «быстры и могут быть легко пропущены наблюдателем», так что «улавливание микровыражений трудно для нетренированных наблюдателей, но Экман утверждает, что данный навык может быть приобретен в процессе обучения» [18, стр. 40].

Последний известный метод распознавания лжи – «вербальная техника, измеряющая правдивость сделанных заявлений» [18, стр. 103]. Существуют два широко используемых теста для оценки речи – «подтверждение правдивости заявления» (SVA), созданный в Германии для того, чтобы «устанавливать надежность свидетелей детского возраста, дающих показания на судах над сексуальными преступниками» [18, стр. 113], и «научный анализ содержания» (SCAN), созданный израильским офицером полиции и экзаменатором на полиграфе Авионом Сапиром. Оба теста основаны на так называемой «гипотезе Андойча», которая гласит, что «заявление об актуальном опыте, сделанное по памяти, отличается по содержанию и качеству от заявления, сделанного на основании выдумки или фантазии» [18, стр. 116]. Первый тест состоит из трех элементов – структурированное интервью, анализ контента, основанный на специфических критериях (CBCA), и проверка достоверности. Тем не менее, только письменные заявления могут быть протестированы с помощью теста SCAN.

Технически, SVA тест – самый популярный тест из этих двух и его научная точность была проверена в полевых и лабораторных исследованиях. Тем не менее, у него тоже есть несколько проблем. Во-первых, это – не стандартизированный тест, так как «стандартизированный тест имеет ясные нормативы, которые придают тесту психологическое значение» [18, стр. 123]. Во-вторых, тесту недостает теоретического обоснования. В-третьих, тест достаточно субъективен и зависим от интерпретаций оценивающего. В-четвертых, изначально тест предназначен для детей, так что «сложно сказать в каких ситуациях он может применяться» [20, стр. 145], исключая, разумеется, дела о сексуальном насилии. Более того, исследования показали, что CBCA тест «более успешен в уличении правды, чем лжи» и «многие лжецы были расценены оценщиками CBCA как говорящие правду» [18, стр. 136]. Это неудивительно, поскольку SVA тест был создан для подтверждения правды и, кроме того, «правдивые заявления могут быть плохого качества и им может не хватать деталей» [18, стр. 122]. В конечном итоге, почти невозможно проверить «основную реальность» и установить «базовую правду» для подтверждения любых результатов данного теста.

Вдобавок, SCAN тест был создан для того, чтобы выявлять «потенциально лживые данные в письменном заявлении» [17, стр. 2]. Таким образом, принципиально важно учитывать то, что «заявление отражает точку зрения испытуемого» [20, стр. 282]. Заявление может быть транскриптом устного заявления свидетеля, сделанного испытуемым во время интервью, но «предпочтительнее, чтобы испытуемые написали свои заявления сами, т.к. это уменьшает риск для заявления быть зараженным точкой зрения испытуемого» [20, стр. 282]. Потенциальная точность теста также страдает от недостатка эмпирической поддержки равно как и от недостатка формальной стандартизации, «поскольку анализируя одни и те же заявления лица, использующие SCAN тест, концентрируются на разных критериях» и «в разных заявлениях разные критерии отмечаются как признаки лжи» [20, стр. 290]. Более того, «тест SCAN не пытается установить – лжет ли испытуемый или нет» [17, стр. 3] и это противоречие следует рассматривать как еще одну слабую сторону теста.

В любом случае, SVA тест все еще лучший существующий метод уличить лжеца на основании изменений в его вербальном поведении, потому что «лжецы делают больше негативных заявлений, дают

больше маловероятных и коротких ответов, делают меньше отсылок к себе и подают больше косвенных реплик» [18, стр. 109], и СВСА тест способен выявить все это. В случае со SCAN тестом, он может «применяться при работе с заявлениями свидетелей и подозреваемых любого возраста – как детей, так и взрослых» [20, стр. 282] и имеет отличные перспективы для дальнейшего развития.

В заключение, следует сказать, что все три метода уличения лжи, которые используются в настоящее время во всем мире - физиологический, невербальный и вербальный, имеют свои сильные и слабые стороны. Если физиологический метод уличения лжи сильно страдает от человеческого фактора, то всем вербальным методам недостает стандартизации, теоретического обоснования и эмпирических исследований. Невербальный метод работает лишь частично, поскольку не существует такой вещи как типичное поведение лжеца. Иными словами, не существует научного инструмента, который был бы способен уличить лжеца в любом случае, но есть несколько перспективных методов, которые могут стать таким инструментом в мире, где люди признают, что они лгут в 17% писем, 27% личных коммуникаций с другими людьми и 37% телефонных звонков.

Литература

1. *Ben-Shakhar G., & Elaad E.* The Guilty Knowledge test (GKT) as an application of psychophysiology: future prospects and obstacles. In M. Kleiner, Handbook of Polygraph Testing. San Diego, San Francisco, New York, Boston London, Sydney, Tokyo, 2002.
2. *Ben-Shakhar G.* A Critical Review of the Control Questions test (CGT). In M. Kleiner, Handbook of Polygraph Testing. San Diego, San Francisco, New York, Boston, London, Sydney, Tokyo, 2002.
3. *Bull R.* What is the lie-detection test? In Gale, A., The polygraph test: lies, truth and science. London, 1988.
4. *Bull R.* Can training enhance the detection of deception? In J.C. Yuille, Credibility assessment. Dordrecht, 1989.
5. *Ekman P. & Friesen W.V.* Nonverbal leakage and clues to deception || Psychiatry, vol. 32(1), 1969.
6. *Ekman P.* Telling lies: clues to deceit in the marketplace, politics and marriage. New York, 1992.
7. *Goffman E.* The presentation of self in everyday life. New York, 1959.
8. *Gordon N.J. & Fleisher W.L.* Effective Interviewing & Interrogation Techniques. San Diego, San Francisco, New York, Boston, London, Sydney, Tokyo, 2002.
9. *Hancock J.* Digital Deception: When, where, and how people lie online. In K. McKenna, T. Postmes, U. Reips, & A. Joinson, Oxford handbook of Internet psychology. Oxford, 2007.
10. *Iacono W.G.* The detection of deception. In J.T. Cacioppo, L.G. Tassinary, & G.G. Bernston, Handbook of psychophysiology (2nd ed.). Cambridge, England, 2000.
11. *Kitaeff J.* Handbook of Police Psychology. New York, London, 2011.
12. *Konkhen G. & Steller M.* The evaluation of the credibility of child witness statements in the German procedural system || Issues in Criminological and Legal Psychology, vol. 13, 1988.
13. *Milne R. & Bull R.* Investigative Interviewing. Psychology and Practice. Chichester, New York, Weinheim, Brisbane, Singapore, Toronto, 1999.
14. *Porter S. & ten Brinke L.* The truth about lies: What works in detecting high-stakes deception? || Journal of Legal and Criminological Psychology, vol. 15, 2010.
15. *Raskin D.C. & Honts C.R.* The Comparison Question Test. In M. Kleiner, Handbook of Polygraph Testing. San Diego, San Francisco, New York, Boston London, Sydney, Tokyo, 2002.
16. *Sapir A.* Scientific Content Analysis (SCAN). Phoenix, Arizona, 1987.
17. *Smith N.* Reading between the lines: an evaluation of the Scientific Content Analysis technique (SCAN). Home Office, 2001.
18. *Vrij A.* Detecting Lies and Deceit. The Psychology of Lying and the Implications for Professional Practice. Chichester, New York, Weinheim, Brisbane, Singapore, Toronto, 2000.
19. *Vrij A.* Why professionals fail to catch liars and how they can improve || Journal of Legal and Criminological Psychology, vol. 9(2), 2004.
20. *Vrij A.* Detecting Lies and Deceit. Pitfalls and Opportunities (2nd ed.). Chichester, New York, Weinheim, Brisbane, Singapore, Toronto, 2008.